

Онтология и теория познания

Ontology and Theory of Knowledge

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-2-653-670>

EDN: FSDXWL

Научная статья / Research Article

«Справляясь с реальностью»: пределы абсолютизации прагматического начала в эпистемологии

Б.С. Соложенкин

ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), Москва, Российская Федерация

 gerzhogzdes@mail.ru

Аннотация. В прагматистской мысли двадцатого века получил свое оформление конфликт между двумя установками в познании, выразимыми через метафору взаимодействия *coping with*, и метафору репрезентации *cory*. Изучается редукционистский способ решения этого конфликта. Отправной точкой является философия Рорти, которая, наряду с радикальным конструктивизмом, берет на вооружение первую метафору, отказываясь от второй при объяснении познавательной деятельности. Однако отказ от «сору» вряд ли возможен: мы показываем, почему модель Рорти, как и любая другая, абсолютизирующая конструктивный, инструменталистский аспект познания, содержит скрытую форму утверждения реального. В попытке уйти от метафизического наследия релятивистское мышление формирует свой «опустошенный реализм». Следуя прагматической аргументации, мы описываем, привлекая примеры энактивизма, три вида воздействия «реального» на нашу конструктивную деятельность, взятую как в пассивном, так и в активном ключе. Вкупе эти три аргумента указывают на практическую несостоятельность антирепрезентационизма, которую только усугубляет специфическое понимание Рорти связи практика-язык. Рассмотрев некоторые парадоксальные следствия его интерпретации, связанные с неразработанностью категории практики, ликвидации долингвистических видов опыта, мы переходим к обоснованию появления такого решения, как абсолютизация «*coping with*». Речь идет об уже классическом противопоставлении «знания как» и «знания что». Они отражают не только две разных задачи, стоящих перед человеческим познанием, но и два способа легитимации знания. Обретение достоверности происходит как через удовлетворение практических интересов, так и через построение верного описания, выявления сущности «того, что есть» в мире. Приоритезация одного из путей неизбежна в ходе познания в зависимости от имеющейся задачи. Однако с учетом

© Соложенкин Б.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

обсуждаемых проблем она не может быть окончательной: coping также структурно связано с сору, как практика с реальностью.

Ключевые слова: инструментализм, реализм, антирепрезентационизм, энактивизм, прагматическая концепция истины, Рорти, знание-как, знание-что

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

История статьи:

Статья поступила 16.03.2025

Статья принята к публикации 10.01.2026

Для цитирования: Соложенкин Б.С. «Справляясь с реальностью»: пределы абсолютизации прагматического начала в эпистемологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2026. Т. 30. № 2. С. 653–670. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-2-653-670> EDN FSDXWL

“Coping with reality”: the Limits of Absolutizing the Pragmatic Approach in Epistemology

Boris S. Solozhenkin

Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russian Federation

 gerzhogzdes@mail.ru

Abstract. In twentieth-century pragmatist thought, a conflict emerged between two epistemological orientations, expressed through the metaphors of *coping with* (interaction) and *copy* (representation). This work examines the reductionist approach to resolving this conflict. The starting point is Richard Rorty’s philosophy, which, alongside radical constructivism, embraces the metaphor of *coping with* while rejecting *copy* as an explanation for cognitive activity. However, the complete rejection of *copy* is hardly feasible: we demonstrate why Rorty’s model, like any other that absolutizes the constructive, instrumentalist aspect of cognition, contains a hidden form of asserting the real. In its attempt to escape metaphysical heritage, relativist thinking forms its own “exhausted realism”. Following pragmatist reasoning, we describe, drawing on examples from enactivism, three ways in which the “real” impacts our constructive activities, considered both in passive and active terms. Together, these three arguments highlight the practical inadequacy of anti-representationalism, which is further exacerbated by Rorty’s specific understanding of the practice-language relationship. After examining some paradoxical consequences of his interpretation, related to the underdevelopment of the category of practice and the elimination of pre-linguistic forms of experience, we proceed to justify the emergence of such a solution as the absolutization of *coping with*. This involves the classic opposition between “knowledge-how” and “knowledge-that”. These not only reflect two different tasks facing human cognition but also two modes of legitimizing knowledge. The attainment of certainty occurs both through the satisfaction of practical interests and through the construction of accurate descriptions that reveal the essence of “what is” in the world. Prioritizing one of these ways is inevitable in the course of cognition, depending on the task at hand. However, given the problems discussed in the article, this

prioritization cannot be final: *coping* is structurally linked to *copy*, just as practice is linked to reality.

Keywords: instrumentalism, realism, anti-representationism, enactivism, pragmatic theory of truth, Rorty, knowledge-how, knowledge-that

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Statement about data availability. All the data obtained during the study is included in the published article.

Article history:

The article was submitted on 16.03.2025

The article was accepted on 10.01.2026

For citation: Solozhenkin BS. “Coping with reality”: the Limits of Absolutizing the Pragmatic Approach in Epistemology. *RUDN Journal of Philosophy*. 2026;30(2):653–670. (in Russian) <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-2-653-670> EDN FSDXWL

Введение

В своем антирепрезентационизме, предполагающем полный отказ от визуальных метафор, а значит и любого отражения реальности [1. С. 337], Рорти предлагает другую метафору для разнообразных познавательных процессов. Все они помогают «справляться» («*coping with*») с реальностью, да и само познание оказывается изменением мира под человеческие нужды или, как писал об этом Джеймс, созданием наиболее эффективных и выгодных отношений с объектами мира¹.

Позиция Рорти является абсолютизацией творческого аспекта взаимодействия человека со внешним миром, сторонящейся идеализации последнего. «Реальное» оказывается не в самом выигрышном положении и терпит дефляцию, подобно понятию истины [2]. Реальность заключается в рамки «действующей языковой игры», совпадая с «наиболее простыми положениями, относительно которых согласны между собой все участники культурного диалога» [3. С. 62]. Подобное устремление не свойственно прагматизму в целом. Метафора *coping with*, отражающая суть прагматического подхода, действительно не сочетается с метафорой сору (отражения, зеркальная метафора), и с установками репрезентационизма беспроblemным образом. Однако в словах Джеймса о философии как пристройке к реальной действительности, в фундаментальной категории Двоичности фанероскопии Пирса, наконец, в рассуждении Прадо о четырех постулатах современного прагматизма [4. Р. 1], — можно усмотреть постоянное возвращение категории «реального».

Говорить и мыслить о реальном — обязательство, от которого мы можем отказаться (хотя и формально), только в принципе изъяв это слово из дискурса. Этого изъятия не происходит, как и окончательного забвения метафоры отражения (сору). Я буду обращаться в большинстве своем именно к

¹ Мы будем использовать в качестве равнозначных следующие обозначения (в том числе опираясь на имеющиеся переводы): метафора взаимодействия, творческая метафора, *coping with*.

фигуре Рорти, манифестирующей крайнюю привязанность к метафоре взаимодействия, вплоть до возможности полного исключения «отражения», «репрезентации», а значит и «реальности» при объяснении познания². Озвученная проблема касается радикального конструктивизма как установки, так что будет обсуждаться и она в целом. Сперва я рассмотрю критику реализма, которую мог бы поддержать рортирианец, затем три обстоятельства, делающие нерелевантными выводы такой критики. Обсудив разрушительные последствия полного отказа от использования любой реалистической метафоры для самой конструктивистской мысли, я выделяю структурную причину, по которой абсолютизация творчества и coping with неизбежно случается в эпистемологии.

Необходимость пустыни реального?

В творчестве Рорти метафора взаимодействия в немалой степени обязана своим успехом релятивизации любой попытки установить «окончательную структуру реальности» [1. С. 275]. Доказывая свои взгляды, последовательный релятивист может указать на то, с какой легкостью менялись представления о реальном. За всю историю науки вводились и опровергались новые сущности, некоторые из которых до сих пор полагаются существующими в одном с нами мире. Флогистон, микробы, плутоиды, эфир — список, который длится ровно столько же, сколько извивается кривая человеческого познания. Объектов становится и больше, и меньше: появились ракеты, динозавры, наоборот, исчезли. Реальные в прошлом, в настоящем они проходят по категории «представления», «воображения», «исторического факта». Иначе говоря, реальное смещается в представления о реальном, и зафиксировать этот момент — не только благородная задача науки, но и усилие носителя онтологии.

Если в защиту реализма указать на то, что менялись лишь представления о реальности, но не она сама — значит получить взамен вопрос о сущности. Что же оставалось неизменным все это время? Независимость чего столь высока и неизбежна? Что она дает в целом, если оставить в стороне любые «представления о реальном»? Следуя принципу Пирса — судить об идее по ее практическим следствиям — можно было бы понять необходимость реальности чего-либо в виде экстраполяции здравого смысла. Понять как простую, но очень сильную веру в то, что другие субъекты, как и Я в будущем, сможем отличить факты от интерпретаций, подлинные знания от сутолоки мнений, наконец действительные вещи от содержимого фантазий. Мы должны будем принять такую же систему онтологических различий, что и наши «соплеменники», как представители одной традиции, культуры. Тем самым для

² Разумеется, можно было бы упомянуть множество антиреалистов. Персона Рорти характерна именно консолидацией взглядов и концепций предшественников, это кульминация сочетания антиреализма и прагматической истины.

воплощения такой интуиции достаточно интерсубъективных условий опыта, общего жизненного мира. Если же мы вовсе не ограничиваемся признанием такого общего мира и здравым смыслом как причиной и целью наделения чего-либо статусом «необходимо реального», нам предстоит объяснить другие серьезные следствия.

Необходимость реальности «А» — слишком строгое требование, адресованное нашему знанию в целом. Такая необходимость означает как наличие знаний о подлинно реальном, так и условий доступа к нему. Более того, это знание должно обладать преимуществом перед любыми дальнейшими проверками! В противном случае, ниспровергнутое знание было о том, что лишь казалось реальным. Обозначенный нами ранее конфликт возникает опять: мы имели лишь представление о реальности, но не ее саму. Попытки принудить к тому, чтобы сбросить оковы интерсубъективности, способны только разжечь пыл фаллибилизма вплоть до релятивистского пожара «Философии как Зеркала Природы».

Не мотивирована ли критика реализма, проводящая атаку на идею «данного», возможность «взгляда сверху» или даже «объективное существование внешнего мира» — идеей установления необходимых отношений между словами и вещами, однозначности между двумя порядками, то есть некоторой финальной картиной реальности?³ Это ли не идеал эпистемолога-реалиста, мечта физика?⁴ В этом отрицании самой возможности окончательной структуры проявляется сопротивление самой мысли об единственно верном описании. Структура реальности, подлежащая такому описанию, это гарантия схождения остальных вариантов, промежуточных вариантов и частных онтологий.

Реалисты неоднократно оспаривали приписывание им идеи точного, единственного соответствия, называя ее устаревшей или просто неуместной. И тем не менее эту теоретическую разработку нельзя сбрасывать со счетов, ведь речь идет о лучшем эпистемологическом предложении из имеющихся. Если мы никогда не говорили о Реальности с большой буквы, и не находили под ворохом субъективных отражений некоторое «в-себе», то, где гарантия, повторим еще раз, что мы не обсуждали только «картину мира»? Как бы ни были искусно обработаны и преобразованы наши опытные данные, мы должны иметь выход к тому, что будет унифицировать, соединять и даже «выбраковывать» их. А это происходит как раз ввиду того, что теория

³ По крайней мере это так для Рорти и Патнэма (например, [5. Р. 90]). Правда, поздний Патнэм отмечает, что при сохранении концептуальной релятивности вполне можно допустить и «метафизический реализм». Сменилась ведущая прагматическая интуиция философа – теперь нужно не столько защищать релятивность, сколько оградить от «любых разговоров о делании мира» [6].

⁴ Мамчур приводит такие слова: «Мечта физика <...> состоит в том, чтобы его поиск окончательных ответов привел к одному, уникальному, совершенно неизбежному выводу» [7. С. 73].

полагается соразмерной миру — она имеет дело с реальными объектами и свойствами, и не иначе! Однако не все так просто.

В реконструкции исторического события, физическом эксперименте, медицинском исследовании тяготение к точному соответствию являет собой познавательный идеал, имя которому объективность⁵. Любое отождествление объективности с объектностью — это следующий и необязательный для многих теоретиков шаг — сталкивается с проблемой определения реального-в-себе. Сколь бы ни был привлекателен такой переход, столь же он и труден. Что это за избыточная до невыносимости телеология достижения некоторого «в-себе»? Такая идея реальности, которая не есть ее адекватная карта или лучшее комплексное представление, становится смутной и неотчетливой. Мы лишаемся «естественного» (и тем более структурного!), «здорового» и любого другого способа членения на объекты, метода выбора и группировки того, что есть. При этом на другой стороне остается вся интеллектуальная артиллерия науки, мир теоретических объектов и онтологических схем. Самой эпистемологии остается лишь оперировать в пространстве меняющихся «представлений-о». Реакция на такое положение вещей может быть разной: можно принять и усугубить его как Рорти, разработав аргументацию релятивизма, или скорректировать как Патнэм, пытаясь сбалансировать вклад человека и мира в практиках познания.

И тем не менее, референция к чему-то реальному, физическому, материальному продолжает быть на задворках релятивизирующей мысли. Даже если отрицается возможность единственного описания, глобального нарратива о реальности, сохраняется нужда в наличии адекватных описаний, которые будут локальны и связаны с онтологическими допущениями о реальности, свойственных конкретному агенту. Реальное-для-кого-то — это та категория, которую не может исключать даже рортирианец⁶. При этом остается вполне допустимым, хотя и непроясненным тезис о том, что представленная реальность есть слепок Реальности. Иначе говоря, метафора взаимодействия (coping), и в целом творческо-конструктивистский подход к познанию, абсолютизируемый Рорти, не избегает полагания независимого бытия. Показательно само сопротивление американского неопрагматика к попыткам причисления его (или авторов, взятых им в качестве «единомышленников») к лагерю идеалистов. Рорти не приемлет любого такого прочтения. Он вынужден говорить о реальном, сводя весь дискурс о нем к языковым играм и соглашениям между людьми⁷. В отношении наиболее позднего периода творчества

⁵ Конечно же, это лишь одно из значений объективности.

⁶ Хотя центр тяжести в нарративах Рорти вполне очевиден, он все-таки по-своему различал выделенные нами модальности, между Реальностью и реальностью-для-кого-то, — оставаясь если не философским, то «повседневным» реалистом, см. интерпретацию Марвана [8. Р. 275–276].

⁷ Более того, критикуя позицию Платона, он сам использует (с положительным окрасом) термин реальность-при-определенном-описании [1. С. 343].

некоторые авторы поднимают вопрос о его близости к «реалистическому повороту»⁸. Мы узнаем и полноценного реалиста, и аргумент фактичности Мейясу, когда поздний Рорти начинает говорить о самостоятельном бытии жирафов до человека [8. Р. 273]. Концептуальных ресурсов для обсуждения такого радикально внешнего бытия Рорти не предоставляет, отчего творческая метафора остается уязвимой для заключения ее в прокрустово ложе лингвистического идеализма. Защищаясь от присвоения этого ярлыка, Рорти периодически создает впечатление, что хочет быть только эпистемологическим релятивистом, оставаясь онтологическим реалистом! Однако такой реализм можно назвать если не безжизненным, то явно опустошенным, ведь он ничего не сообщает наверняка о природе вещей и устройстве сущего: его онтология — это плавающая сеть консенсусов о «реальном-для-нас» между пользователями одного языка. Надо ли пояснять, что странный выбор в определении реального заключается между «бытием жирафов как учреждений языковой игры» и жирафами, о которых мы говорим, и которые всегда лишь «предположительно и наверно» существуют за границами консенсуса?

Родовой травмой здесь является крах большого дискурса о Реальности. Признание теоретической невозможности этого было окрашено в позитивные цвета: появились «словари», пропитанная духом свободного творчества вера в приоритет практики, овладения собой и внешней средой... Инструментализм воспарил над миром, превратив Реальность в некоторые условия опыта, «фрагменты реальности». В чем же они заключаются? Понять это можно лишь изнутри самой установки: для метафоры *coping with* существуют невыводимые из нее и непредполагаемые ею обстоятельства. И было бы неверно определять эти обстоятельства в преимущественно онтологическом ключе — существуют резоны собственно прагматического толка.

Три предела для *coping with*

В своей критике различных новых реализмов Паскаль Анжель упоминает свойственное анти-реалистам, постмодернистам стремление сдавать назад, когда положения их теорий становятся «слишком невероятными» [10]. Самое большое, на что мы можем рассчитывать сейчас, это найти такие места, когда адепт метафоры *coping with* должен сдать назад. На мой взгляд, правильным наводящим вопросом, определяющим суть дискуссии, будет следующий: «Где заканчивается конструирование и начинается репрезентация?» С позиции Рорти — нигде. В этой части мы дадим ряд контраргументов против романтического продления *coping with* в бесконечность. Упомянув в предыдущем абзаце «некоторые условия опыта», в этом я покажу, что они являются скорее «обстоятельствами непреодолимой силы».

Метафора взаимодействия может быть найдена далеко не только у философов прагматического толка. В наше время эта линия была подхвачена

⁸ Обсуждение этого и оценка см. [9].

и развивается энактивистами, в своих теоретических поисках заменяющими объективный мир на особенную операционную среду. Она не предзадана, но творится по когнитивным и практическим лекалам каждого живого существа сообразно его телесности. Более того, в паре «организм-среда» живое существо не только справляется (coping) с вызовами окружающей среды, но и обретает, поддерживает свою идентичность. Не только человек, но и микроб, мышь, слон «не заданы наперед», но заняты «активным созданием реальности и самого себя» [11. С. 271]. Жизнь объявляется тождественной познанию, которое есть «не отражение мира, а извлечение смысла» [11. С. 174]. Вместо выполнения чисто репрезентативных функций восприятие неразрывно, рекуррентно связывается с действием [12]. Итак, в соответствии с ключевой идеей прагматиков мир становится собранием средств для действия, операционной средой для некоторой телесной организации.

Аутопоэзис, ключевая энактивистская разработка, есть мощная манифестация творческой метафоры. В рассуждениях о продолжении паука в его нити, в постоянном и мыслительном, и деятельностном «самодостраивании», наконец, «в окутанности миром» нарратив аутопоэзиса стремится преодолеть субъект-объектную разделенность, показав их незавершенность и крайнюю нужду друг в друге. Однако происходит ли это? Является ли это преодоление более чем чисто субъективным событием⁹? Каков этот мир, который размыкается для аутопоэтических нарративов?

Здесь мы встречаемся с первым вынужденным препятствием, с реальностью как ограничением. Любое признание реальности объектов оборачивается приглашением живого существа разделить мир его вида, существ, устроенных схожим образом. Миры пчелы, слона и микроба существенно различны, но подчинены общему условию: в них реальным признается то, взаимодействие с чем является необходимым. Лоренц называет это «нерефлексивной физиологической объективацией» [11. С. 194]. Пчела и слон, не распознающие цветки и ветки соответственно, обречены на поражение. Можно назвать такую встроенную в биологический аппарат потребность выделять определенные объекты — «вынуждением формой». Человек не в меньшей мере испытывает это вынуждение, о чем свидетельствует пассивность его восприятия. Мерло-Понти дошел до истончения исходной субъективистской установки феноменологии, когда постулировал необходимость «веры в вещи» и «мира восприятия»¹⁰. В нашем сенсорном поле обнаруживаются устойчивые гештальты, регулирующие приобретение опыта, общие для людей схематизмы. Мы воспринимаем сразу горный массив, а не совокупность точек, которые требуют постепенного проведения линий, чтобы предстать

⁹ На отрицательный ответ намекает Ревонсуо, когда утверждает, что «воплощенность, которую мы непосредственно ощущаем в своем переживании, — это воплощенность, основанная на феноменальном образе тела» [13. С. 193].

¹⁰ Правда, насущная необходимость этого теоретического хода иногда справедливо оспаривается, см.: [14. С. 204].

как «горный массив». Наша интерпретация вынуждена: во всякое мгновение восприятие уже поставило нам мир вещей, не советуясь с нами. Такие определенности как «горный массив» или даже «картина Сезанна «гора Сент-Виктуар»» отличаются только источником, но не самим действием — принуждением формы как таковой¹¹. Поэтому согласиться с положениями о самозаконодательстве конструирования, направленного на успешное освоение мира [11. С. 23–24], можно лишь отмечая реалистичную, то есть внесубъектную природу закона.

Следует различать между пассивным (когда речь идет о сборке объектов из многообразия перцепций), так и активным конструированием (когда в соответствии с идеей преобразуется мир). Первый тип включает в себя все то, разнообразие организационных мероприятий, происходящих в нашей «штаб-квартире» — в мозге. Я использую метафору Деннета здесь, чтобы подчеркнуть максимальную отстраненность, бессознательность таких процессов. И, наоборот, преобразуя мир в соответствии с идеей, в целесообразном «освоении природных и социальных сил» человек конструктивен активно. На ограниченность его способностей к этому намекает сам прогресс в неустанном преобразовании внешней среды, в который инвестируется время жизни, энергия, трудовая активность. Отсутствие крыльев приводит к изобретению самолетов, а неисправность сердечных клапанов побуждает к поиску искусственной замены. Это и есть философская поэтика подлинно человеческого — справиться с собственными биологическими особенностями, мыслимыми как несовершенства. Реальность выступает как внутренний предел действия, чувства, мысли, который просто «есть»; обсуждаться могут лишь следствия из этого факта.

Ограниченность наших способностей образует один аспект реального, а вынуждение формой — другой. Провозгласить полностью «недуальный и динамичный, процессуальный взгляд на познание» можно, лишь полностью пренебрегая этими аспектами. Дуальность сохраняется, поскольку структуры субъекта и объекта не совпадают, человек не растворяется в среде, а среда не входит целиком в своего творца.

Есть еще один аспект, проявляющийся именно при активном конструировании. Если первые два аспекта есть внутренние характеристики (если не условия возможности!) контакта с миром, то третий выявляет область недостижимого, обладающего своим укладом. Первые два скорее сочтут негативными (в определении реального), третий — обещает позитивное. Когда Неважжай пишет о Чужом Вальденфельдса, Другом Левинаса, агентах коммуникации Райнаха, он замечает то, что притязает на «собственное бытие», и что нужно прежде всяческой интерпретации «именовать» [15]. Упомянув интенциональность, он также отмечает респонсивность как другую сущностную

¹¹ Выделение горы могло бы быть обосновано физиологически, а распознавание картины Сезанна – культурной дрессировкой.

особенность сознания. Точность репрезентации, то есть использования замещающих предмет знаков, составляет суть респонсивности и связанных с ней культурных практик. Здесь стоило бы говорить о неминувости мира, неустрашимости самих объектов (а не только их способов данности). Расширение довлеющей сферы реального достигает выбора предмета взаимодействия. Мы не просто «вынуждены» видеть некоторый предмет «так», но утверждать его единичность.

Показательно, что список авторов выше в основном касается субъективности: в активном конструировании наш замысел сталкивается с чужим замыслом, наше творчество — с другим. Мир и поступки другого человека не являются изнанкой моих интенций. В диалоге или посредством иного акта он может уточнить или вовсе опрокинуть мою интерпретацию его поведения или образа мыслей. Такой Другой присваивается полностью не иначе как в свободной фантазии, укрывающей от гегелевской схватки за признание.

Однако респонсивность подразумевает большее. За пределами интерсубъективного взаимодействия она указывает как на уже рассмотренное «вынуждение формой», так и на требование правильного выражения. Почему же мы вообще должны быть заняты поиском «выражения, притязającego на собственное бытие предмета внешнего мира» [15. С. 90]? Мой ответ прост: ввиду желаемого условия — адекватности представления «реального». В активном конструировании мы обладаем значительной свободой. Ничто не принуждает правильно рассчитать длину досок, из которых можно построить дом. Расчет может быть сделан «на глазок», и дом построен не будет. Также и музыка, рожденная случайным касанием клавиш, опровергающая законы любой гармонии, будет звучать негармонично или вообще не будет воспринята как «музыка». Произвольность знака оказывается бессмысленным положением, когда требуется перейти от знаковой совокупности (ноты, чертежи) к референтным объектам (хоралы, дома). Усмиряя наш конструктивистский пыл помимо нашей воли, вещи «сопротивляются» неугодным схемам и несоответственным идеям. Они не происходят из ментальных схем, если только их бытие целиком не зависит от авторской прихоти или языковой игры. В своем эмпирическом отсутствии (рухнувший дом, какофония вместо мелодии) они подтверждают себя в качестве индивидуальных, независимо существующих агентов, требующих соблюдать структурные правила, логику реального. Сказать, что такие правила произвольны по отношению к чему-либо, кроме успешного дискурса, значит пренебречь доменом человеческой практики. Именно в ней мы выделили три, выстроенные по степени нарастания познавательной активности субъекта, «реальных» предела для coping with: «вынуждение формой», телесная ограниченность, и, наконец, собственный закон вещи или явления.

Потерянная практика

В своем обстоятельном исследовании Джей отмечает категориальное разнообразие видов опыта, сложившееся к моменту основания традиции

прагматизма, отцы-основатели которой считали его и судьей, и учителем [16. Р. 267–268]. Одна категория опыта совершенно точно обсуждается в ключевых работах Рорти. Ценность языкового опыта — обсуждения, рефлексии, аргументации — фундаментальна для всего проекта неопрагматика. Теперь не весь опыт, но только его языковая ипостась есть вездесущая «мера всех вещей» [17. С. 116–117]. Огромное внимание к языку сопровождается безразличием к любым другим модальностям опыта: Рорти описывает разнообразные словари (не предпринимая попыток категоризации их), но остается глух к практике. Она является предтечей образования словарей, о ней говорится в контексте смены словарей¹². Однако существует ли внутреннее различие для нее? Каковы виды практики, все ли они равнозначны? Неразработанность категорий практической деятельности, понимаемой в общем прагматистском смысле как творческая и изобретательская, позволяет заключить о том, что любой долингвистический опыт здесь «вытесняется на задворки существования» [17. С. 118].

Не избегает печальной судьбы и регистр практик, ориентированных на «точное репрезентирование». Он включает как построение карты горных массивов, так и анатомический атлас. Игнорируя стремление к точной репрезентации, мы на самом деле принижаем значение практик, чья ценность состоит в утверждении истины о мире, которая не отождествляется с желанием обрести работоспособное описание¹³. Гипотезы, попытки вспомнить о прошедшем, создание атласа — мало ли актов, где на первый план выводится верное, а не просто эффективное. Стоит ли говорить, что происходит с такими актами, если их «эффективность» затмевает дескриптивную истинность? Гипотезы превращаются в выгодные исследователю теории, а эффективность рисунков тела, как это известно из истории медицины, оказывается продолжением следованию авторитету¹⁴. Более тонкий момент касается воспоминаний: да, они всегда — реконструкция, но как им не перейти в бред или грезы, если лишить их связи с объектами эмпирического прошлого?

¹² «Революционные достижения в искусстве, науке или моральной и политической мысли» связаны с тем, что «два или более словаря мешают друг другу» [18. С. 33]. Вряд ли Рорти не понимает, что за конфликтом интерпретаций стоит конфликт интересов. Однако пафос этих страниц оставляет разомкнутой связь словарей с реальностью. Сталкиваются ли в момент революции почитатели несовместимых словарей или же речь идет о конфликте социальных групп, обусловленном экономически и политически? Стоит ли объяснять гений Бетховена только через успешный синтез творческих идей его предшественников? Как много останется от события, политического или художественного, если мы не погрузимся в толщу образующих его сил и методов, авторов с их «до-словарными» желаниями и мотивами?

¹³ Рорти настолько уверен в том, что все проблемы решаются путем изменения языка, что предлагает, видимо ради устранения философских тупиков, избавиться от термина «мир» [19. Р. 875].

¹⁴ Имеется в виду ошибочность освященных традицией взглядов Галена, показанную Везалием за счет обращения к опыту препарирования тел. См. как кардинальным образом категория научной ошибки связывается с перспективой истины о вещах, не сводимым к идеям или понятиям о них [20. С. 95].

Подобным образом еще Юшкевич отмечал локальную абсолютность дескриптивных истин. В чем полезность суждения «Цезарь существовал»? — звучит справедливый вопрос [21. С. 221]. Проблема в том, что несуществование Цезаря или Аристотеля, и, наоборот, существование двойников Петра Первого и плоской земли разрушают любые из самых проработанных и когерентных научных дискурсов! У дискурса нет контроля над всем, что происходит, то есть над любым будущим изменением. Факты обнаружения, введения нового объекта — не произвольны в n-примерах (сущность просто наблюдается, возникает — но не творится дискурсом!)¹⁵. Этот тезис неполноты показывает, что «реальное» раскавычивается там, где дискурса оказывается недостаточно, где слова не определяют всё, а это «всё» оказывается не пассивным остатком, а тем, что определяет.

Наша познавательная схема (язык, нарратив) позволяет указать на ряд вещей, но при этом ряд вещей это не есть только ряд высказываний о существовании чего-либо, с которыми согласно большинство участников диалога¹⁶. Во-первых, мир практики подчинен ряду условий, которые не сводятся к достижению коммуникативного согласия, а пространство действия не есть лингвистический опыт мира. Эти условия обозначают необходимость частичного возвращения реализма: для того, чтобы «справляться» с нашим миром необходимо допускать «реальное» как минимум трояким образом (см. предыдущий раздел), сопротивляющимся поглощению сферой человеческих способностей. Речь идет о терапии от того, что Никоненко называет «произвольной онтологией» и дистанцировании от «общества Любителей сказок» [22. С. 59]. Онтологии не выбираются произвольно, но призваны дать ответ на уже существующий набор вызовов и нужд. Те, в свою очередь, вынуждают расставлять акценты, выбирать тему для обсуждения, то есть регулируют дискурсивные практики. Банально, но первейшим жестом для решения той или иной проблемы является признание ее наличия. Какая-угодно-онтология возможна только в беззаботном пространстве теоретической фантазии.

На уровне социальных групп эта идиллия постоянно нарушается столкновением дискурсов, за которым стоит конфликт интересов, а он трансцендирует к объективным причинам и событиям. Дискурсивные горизонты нашего сообщества размыкаются взаимодействием с другими сообществами. Потеряв «трансцендентально-прагматические предпосылки коммуникации», мы должны были погрузиться в солипсизм интерсубъективного уровня [23. С. 214]. Причину обозначает еще Дэвидсон: носителям своего языка и культуры нет нужды релятивизировать свой язык, вполне достаточно

¹⁵ В этот момент встречаются как человеческие способности и навыки описания, так и собственно объекты мира. Одно нередуцируемо к другому. Антиреалистам было легко заметить изменчивость со стороны языков, смену парадигм и т.п. Но что насчет другого полюса? Разве умом человека были вызваны к жизни рыба или вирус? Разве не они сами меняются, мутируя и просто существуя, задавая загадку своего бытия изучающим их?

¹⁶ Иначе говоря, «делать выбор между реальными объектами, еще не значит делать эти объекты» [21. С. 229].

полагать его как единственный [22. С. 150]. Однако существование такого единого мирового языка равносильно глобалистской мечте о едином мировом проекте, мечте, разорванной на части, на локальности. Такого супер-сообщества нет, а ведь только оно могло бы свободно варьировать словари и языки.

Также немислимо общество, которое выполнило бы завет Рорти и заменило бы обсуждение «реальности Х» на обсуждение «осмысленности дальнейшей беседы об Х» [19. Р. 877]. Обсуждение «реальности Х» равносильно обсуждению того, где проходит граница между нашим сообществом и другим, наших интересов и идентичности, и все это опирается на признание существования объективных вызовов. Если для индивида объективны, например, обстоятельства травмы или желания, конституирующие его психическую жизнь, то для страны объективна целая совокупность экономических, демографических, наконец, политических рисков. Тем самым обсуждение «реальности Х», это не вопрос интереса, это вопрос о нашей самости, а он может быть всерьез поставлен только при принятии предпосылки трансцендирования (Бернштейн) к довлеющим на нас внешним факторам.

Два способа легитимации знания. Заключение о причине

Учитывая изложенное ранее, в заключительном разделе мы попробуем ответить на вопрос: почему же одинокое обращение к метафоре взаимодействия вообще имеет силу? Почему кажется убедительным — представлять мир и «Я» исключительно как этапы творческого процесса, бессодержательные вне сферы практических интересов?

Периодически возобновляющиеся атаки на псевдо- или паранауку и нерушимая стойкость оппонентов способны подарить нам хороший показательный пример. Оценка публикаций в одном из самых престижных медицинских журналов *Lancet* показывает наличие периодически возникающих всплесков дебатов вокруг и о гомеопатии. На опровергающие ее эффективность результаты исследований выходят опровержения, причем на страницах того же журнала¹⁷. Однако помимо дебатов вокруг исследований и методов доказательства эффективности существует и другая, скорее публичная форма дебатов о гомеопатии. В ней утверждаемая эффективность противопоставляется недопустимой онтологии.

О чем же говорят противники гомеопатии в споре «практика versus онтология»? О некогерентности представлений учения Ганемана положениям современной науки. В последней просто не находится места «потенциям» или «информации о веществе». Чем отвечают защитники? Тем, что «это работает». *It works* — есть еще одно прочтение метафоры *coping with*, с акцентом на желаемую успешность. В итоге мы и получаем странную пару — когерентность против прагматики.

Когерентность в итоге опирается на идею субстанции: слишком малые разведения не только противоречат научным представлениям, но и вообще

¹⁷ Смотри исходную, на шумевшую в свое время статью [24], и вызванную ей дискуссию в выпуске 9503 за декабрь.

теряют какой-либо референт. Гомеопатические препараты не признаются дважды: не только как некогерентный теоретический объект, но и как возможный реальный! И тем не менее он продолжает оставаться таковым в онтологии гомеопатов. И для сторонников подхода, и для противников стремление иметь связное знание дополняется стремлением иметь верное мировоззрение / онтологию — что не тождественно желанию иметь работоспособное описание. Раскроем это подробнее.

Мы связываем различие в предпочтении познавательных метафор (*сoping* и *сору*) с разными человеческими интересами. Они, в свою очередь, удовлетворяются некоторым знанием в модальности «как» или «что». «Знанием как» следовало бы тогда называть знание, позволяющее взаимодействовать с миром успешно, когда обладание «знанием что» было бы счастьем для ищущего истины о мире и вещах, как они есть. Иметь онтологию или знать каков этот мир — столь же самобытная и важная для кого-то цель, как и научиться читать географические карты, чтобы возвращаться домой невредимым и в срок.

Ранее мы рассматривали доводы в пользу тезиса о том, что наличие силы у нашего «знание как» есть следствие того, что соответствующее «знание что» достоверно¹⁸. В то же время налицо и тенденция, задавшая тон статье с самого начала, — представлять интересы «знания как» превалирующими настолько, что все сущностные определения — лишь временные элементы в различных социально-языковых практиках овладения или даже конструирования мира. Оба противоположно направленных эпистемологических движения имеют свою логику и мотивацию.

Можно найти немало исторических прецедентов, когда эффективным действиям давалось неверное объяснение. Такая мера как изоляция применялась в пандемию Черной Смерти, однако призвана она была защищать от распространения болезнетворных миазмов, а не от неизвестной тогда бубонной палочки. Найти эффективное средство от проблем порой единственное, что интересует действующего агента¹⁹. Помимо этой очевидности, «знание как» вовлекает и в своем воплощении не оставляет места чему-либо еще. Феноменологическое подтверждение легко получить, анализируя деятельность профессионала, чей автоматизм действий доведен до степени навыка. Если мы понимаем под «знанием как» понимание, воплощенное в деятельности, то любой развитый навык демонстрирует то, что знание «включено» в саму деятельность и реализуется в ней же. Футболист ищет лучшую позицию на поле, музыкант импровизирует, подбирая нужные аккорды, повар совершает машинальные и точные удары ножом — все они получают уверенность в правильности своих действий посредством успешного совершения их!

¹⁸ Возможна и более мягкая версия, когда «знание как» является необходимым, но недостаточным условием «знания что», см. подробный разбор [25. С. 105].

¹⁹ Один из участников упомянутой нами дискуссии говорит напрямую, что «окончательным доказательством обоснованности научной или медицинской идеи является степень, в которой она меняет реальность» [26. Р. 691–692].

Подобным образом существует целый спектр мотиваций для принятия теоретического и / или онтологического описания. Желание поддерживать ту или иную картину мира может быть следованием традиции, быть предметом сильной веры...²⁰ Причин много, но исход один: мы стремимся не столько «делать мир», сколько знать, «что» он есть²¹. То же самое касается человеческого самопознания, поиска, в котором мы не в силах удовлетвориться чем-то, кроме реального. А это значит полагать неизбежность черт, свойств или событий идентичности, которую мы осознаем полностью, лишь, как считал Рикер, отказываясь от нее в пользу новой. В противном случае, если это только сборка и коллаж, очередное ироническое переописание, то зачем принимать его серьезно и следовать ему? Единственное, к чему можно прийти здесь это к отсутствию мировоззрения, а далее и значимости следующих из него ценностей.

Итак, намеки на редукционизм есть неизбежное явление ввиду собственной убедительности каждого из двух типов знаний. Другой причиной является невозможность точной категоризации без наличия контекста. В шахматах теорией зачастую называется способ разыгрывания определенных комбинаций, обеспечивающих преимущество. Действительно, в этом, казалось бы, абсолютном «знании как», можно усмотреть и «знание что». Книга по дебютам суть теория, если рассматривать ее как простое описание структур, шахматной мысли. Также и структура химического вещества является «знанием что», пока не находит своего применения в разработке нового вещества. Возвращаясь к примеру, положение о том, что «гомеопатия — истинное знание» (или: «есть то, чему можно доверять») может быть понято как в ключе того, что «работает», или как убеждение, подлежащее проверке на когерентность. Судя по всему, для формирования сильной веры (в истинность или ложность суждения) достаточно чего-то одного.

Заключение

Из написанного выше следует отсутствие рецепта по окончательному выбору некоторой основной познавательной метафоры. Соблазны релятивизма остужены преимуществами «знания что»: оно оказывается модельным принципом для множества «знаний как», рецептов. В конце концов, поводом для теоретической рефлексии является именно неуспешная практика. Почему не получается сделать так? — корневое вопрошание. В долговременном плане ориентация на «знание как» скорее способна остудить пыл радикального конструктивиста: в постоянном взаимодействии с тем, что сопротивляется, ограничивает или даже «вынуждает» нас к определенному опыту и действиям (см. соответствующий раздел нашей работы о трех аргументах), мы и обнаруживаем себя как «исполненных внешнего», в интериоризации, распознавании

²⁰ Рорти сам предлагает навязчивость в качестве такой психологической причины, «боязнь потерять связь с реальностью» страх утраты контроля над происходящим [9].

²¹ Разумеется, я не учитываю случаи, когда мировоззрение становится разменной монетой, принимается de jure ради тех или иных оппортунистических выгод.

динамики реального. Отказ от онтологического реализма не спасает от реализма эпистемологического; *coping with* немислима без *coru*, и даже попытка продумать противоположное приводит к опустошенному и скрытому реализму, как это было показано на примере с Рорти. Оставшись с такой дуальностью, где двум типам знания соответствуют два пути обретения достоверности, мы не можем отдать больше голосов в пользу одного из них, чем мы отдаем нерушимости связи в целом.

Список литературы

- [1] Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1997. EDN: YMIWWL
- [2] Джохадзе И.Д. Дефляционистское понимание истины и проблемы обоснования знания в неопрагматизме // Философская мысль. 2019. № 4. С. 24–35. DOI: 10.25136/2409-8728.2019.4.29938 EDN: WNVJAE
- [3] Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. EDN: SZFWRR
- [4] Prado C.G. The Limits of Pragmatism. Atlantic Highlands, NJ : Humanities Press International, 1987.
- [5] Zeglen U.M. Introduction to Part 2: Putnam and Realism // Hilary Putnam: Pragmatism and Realism / ed. by J. Conant, U.M. Zeglen. London : Routledge, 2002. P. 89–96.
- [6] Putnam H. Wiki Catches Up a Bit. Available from: <https://putnamphil.blogspot.com/2014/11/wiki-catches-up-bit-in-1976-when-i.html> (accessed: 15.03.2025).
- [7] Мамчур Е.А. О концепции «внутренней» истины // Философский журнал. 2009. № 2. С. 73–87. EDN: NBKBSV
- [8] Marvan T. Is Rorty a Linguistic Idealist? // Human Affairs. 2011. No. 21 (3). P. 272–279. DOI: 10.2478/s13374-011-0028-2
- [9] Huetter-Almerigi Y. Rorty on Realism, Antirealism, and Antirepresentationalism // Handbuch Richard Rorty / ed. by M. Müller. Wiesbaden: Springer VS, 2022. P. 1–18. DOI: 10.1007/978-3-658-16260-3_49-1
- [10] Pascal E. Le réalisme kitsch. Zilsel. 2015. Available from: <https://doi.org/10.58079/vdrr> (accessed: 15.03.2025).
- [11] Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. EDN: TOYDXB
- [12] Thompson E. Sensorimotor Subjectivity and the Enactive Approach to Experience // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2005. Vol. 4. No. 4. P. 407–427. DOI: 10.1007/s11097-005-9003-x EDN: KVVYZQ
- [13] Ревонсуо А. Психология сознания. СПб. : Питер, 2013.
- [14] Соложенкин Б.С. От мира восприятия — к феноменологии способностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 1. С. 199–218. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-1-199-218 EDN: BHLXSU
- [15] Невважай И.Д. Взаимодополнительность конструктивизма и реализма в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 43. № 1. С. 83–97. DOI: 10.5840/eps201543133 EDN: VXBVMV
- [16] Jay M. Songs of Experience: Modern American and European Variations on a Universal Theme. Berkeley: University of California Press²², 2005. DOI: 10.1525/9780520939790
- [17] Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. Москва : Европа, 2007.

²² Калифорнийский университет в Беркли имеет статус организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

- [18] Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. Москва: Русское феноменологическое общество, 1996.
- [19] Rorty R. Putnam, Pragmatism, and Parmenides // *The Philosophy of Hilary Putnam* / ed. by R.E. Auxier, D.R. Anderson, L.E. Hahn. Chicago : Open Court, 2015.
- [20] Мамчур Е.А., Парамонов А.А. Полемические суждения о концепции «внутренней» истинны // *Vox. Философский журнал*. 2020. Т. 15. № 30. С. 68–97. DOI: 10.37769/2077-6608-2020-30-4 EDN: MABBDV
- [21] Юшкевич П. О прагматизме // Джеймс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления. 3 изд. Москва: URSS, 2011.
- [22] Никоненко С.В. Реальность, символы и анализ: Философия по ту сторону постмодернизма. Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2012.
- [23] Апель К.-О. Трансформация философии. Москва : Логос, 2001.
- [24] Shang A., et al. Are the clinical effects of homoeopathy placebo effects? Comparative study of placebo-controlled trials of homoeopathy and allopathy // *The Lancet*. 2005. Vol. 366. No. 9487. P. 726–732. DOI: 10.1016/S0140-6736(05)67177-2
- [25] Дёмин Т.С., Фролов, К.Г. Знание-что, знание-как, сознание и искусственный интеллект // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2023. Т. 8. № 1. С. 102–109. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-102-109 EDN: DTOTRC
- [26] Vandenbroucke Jan P. Homoeopathy and “the growth of truth” // *The Lancet*. 2005. Vol. 366. No. 9487. P. 691–692. DOI: 10.1016/S0140-6736(05)67151-6

References

- [1] Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta publ.; 1997. (In Russian). EDN: YMIWWL
- [2] Dzhokhadze ID. Deflationary Understanding of Truth and Problems of Knowledge Justification in Neopragmatism. *Filosofskaya mysl'*. 2019;(4):24–35. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-8728.2019.4.29938 EDN: WNVJAE
- [3] Dzhokhadze ID. *Richard Rorty's Neopragmatism*. Moscow: URSS publ.; 2001. (In Russian). EDN: SZFWRR
- [4] Prado CG. *The Limits of Pragmatism*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International; 1987.
- [5] Zeglen UM. Introduction to Part 2: Putnam and Realism. In: Conant J, Zeglen UM, eds. *Hilary Putnam: Pragmatism and Realism*. London: Routledge; 2002. P. 89–96.
- [6] Putnam H. *Wiki Catches Up a Bit*. Available from: <https://putnamphil.blogspot.com/2014/11/wiki-catches-up-bit-in-1976-when-i.html> (accessed: 15.03.2025).
- [7] Mamchur EA. On the Concept of "Inner" Truth. *Philosophy Journal*. 2009;(2):73–87. (In Russian). EDN: NBKBSV
- [8] Marvan T. Is Rorty a Linguistic Idealist? *Human Affairs*. 2011;(21):272–279. DOI: 10.2478/s13374-011-0028-2
- [9] Huetter-Almerigi Y. Rorty on Realism, Antirealism, and Antirepresentationalism. In: Müller M, ed. *Handbuch Richard Rorty*. Wiesbaden: Springer VS; 2022. P. 1–18. DOI: 10.1007/978-3-658-16260-3_49-1
- [10] Pascal E. Le réalisme kitsch. *Zilsel*; 2015. DOI: 10.58079/vdrr
- [11] Knyazeva EN. *Enactivism: A New Form of Constructivism in Epistemology*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ.; Universitetskaya kniga publ.; 2014. (In Russian). EDN: TOYDXB
- [12] Thompson E. Sensorimotor Subjectivity and the Enactive Approach to Experience. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2005;4(4):407–427. DOI: 10.1007/s11097-005-9003-x EDN: KVVYZQ
- [13] Revonsuo A. *Foundations of Consciousness*. Saint Petersburg: Piter; 2013. (In Russian).

- [14] Solozhenkin BS. From the World of Perception to the Phenomenology of Abilities. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(1):199–218. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-1-199-218 EDN: BHLXSU
- [15] Nevvazhai ID. The complementarity of constructivism and realism in epistemology. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2015;43(1):83–97. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201543133 EDN: VXBVMV
- [16] Jay M. *Songs of Experience: Modern American and European Variations on a Universal Theme*. Berkeley: University of California Press²³; 2005. DOI: 10.1525/9780520939790
- [17] Ankersmit F. *Sublime Historical Experience*. Moscow: Evropa; 2007. (In Russian).
- [18] Rorty R. *Contingency, Irony, and Solidarity*. Khestanova IV, Khestanov RZ, transl. Moscow; 1996. (In Russian).
- [19] Rorty R. Putnam, Pragmatism, and Parmenides. In: Auxier RE, Anderson DR, Hahn LE, eds. *The Philosophy of Hilary Putnam*. Chicago: Open Court; 2015.
- [20] Mamchur EA., Paramonov AA. Polemical judgments about the concept of “internal” truth. *Vox Philosophical Journal*. 2020;15(30):68–97. (In Russian). DOI: 10.37769/2077-6608-2020-30-4 EDN: MABBDB
- [21] Yushkevich P. On pragmatism. In: James W. *Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking*. 3 ed. Moscow; 2011. (In Russian).
- [22] Nikonenko SV. *Reality, Symbols, and Analysis: Philosophy Beyond Postmodernism*. Saint Petersburg: RHGA publ.; 2012. (In Russian).
- [23] Apel K-O. *Towards a Transformation of Philosophy*. Moscow: Logos; 2001. (In Russian).
- [24] Shang A, et. al. Are the clinical effects of homoeopathy placebo effects? Comparative study of placebo-controlled trials of homoeopathy and allopathy. *The Lancet*. 2005;366(9487):726–732. DOI: 10.1016/S0140-6736(05)67177-2
- [25] Demin TS, Frolov KG. Knowledge-that, knowledge-how, consciousness and artificial intelligence. *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*. 2023;8(1):102–109. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-102-109 EDN: DTOTRC
- [26] Vandenbroucke JP. Homoeopathy and “the growth of truth”. *The Lancet*. 2005;366(9487):691–692. DOI: 10.1016/S0140-6736(05)67151-6

Сведения об авторе:

Соложенкин Борис Сергеевич — кандидат философских наук, доцент Института социальных наук, ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Трубецкая 8, стр. 2. ORCID: 0000-0003-1125-1342. SPIN-код: 6164-2092. E-mail: gerzhogzdes@mail.ru

About the author:

Solozhenkin Boris S. — PhD in Philosophy, Assistant Professor, Institute of Social Sciences, Sechenov First Moscow State Medical University; 8/2 Trubetskaya St., Moscow, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1125-1342. SPIN-code: 6164-2092. E-mail: gerzhogzdes@mail.ru

²³ Калифорнийский университет в Беркли имеет статус организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.